

Оригинални научни рад
УДК: 323.1:316.75(439.55/.56)"1878/1909"
322(439.55/.56)"1878/1909"
811.16:929 ЛДВРОВ П. Д.
DOI: 10.5937/zrffp53-42663

ЦЕРКОВНА И КУЛТУРНА ПОЛИТИКА ДВСТРО-ВЕНГРИИ В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА В ОЦЕНКАХ РУССКОГО УЧЕНОГО-СЛАВИСТА П. Д. ЛДВРОВА

Кирилл ВЛАДИМИРОВИЧ ШЕВЧЕНКО¹
Синодальная историческая комиссия
Белорусская Православная Церковь

¹ shevchenkok@hotmail.com

Рад примљен: 4. 2. 2023.
Рад прихваћен: 23. 3. 2023.

ЦЕРКОВНАЈ И КУЛТУРНАЈ ПОЛИТИКА АВСТРО-ВЕНГРИЈ В БОСНИЈ И ГЕРЦЕГОВИНЕ ВО ВТОРОЈ ПОЛОВИНЕ ХІХ ВЕКА В ОЦЕНКАХ РУССКОГО УЧЁНОГО-СЛАВИСТА П. А. ЛАВРОВА

Кључеве слова:
Боснија и
Герцеговина;
Австро-Венгија;
етнокултурна
политика;
црковна
политика;
П. А. Лавров.

Анотација. В статье анализируются взгляды известного русского учёного-слависта П. А. Лаврова на положение в Боснии и Герцеговине во второй половине XIX в. после их оккупации Австро-Венгрией. Особое внимание уделено влиянию церковной и культурной политики австрийских властей на ситуацию в данном регионе, а также последствиям данной политики. П. А. Лавров подчёркивал несправедливость оккупации Боснии Австро-Венгрией и отмечал, что с самого начала австрийского господства в данном регионе Балкан австрийская администрация проводила политику, направленную на подавление православной церкви, всяческую поддержку католической церкви и на распространение хорватской национальной идентичности среди местного славянского населения. В частности, учебники для школ в Боснии писались хорватскими учёными, которые интерпретировали местное славянское население католического вероисповедания как хорватов. Для более эффективного проведения данной политики австрийские власти установили контроль над православной церковью и над системой школьного образования в Боснии. Кроме того, австрийские власти содействовали переселению в данный регион лояльных Австрии чехов и поляков, которые получали работу в качестве чиновников, служащих полиции и жандармерии и предпринимателей. Данная политика, проводившаяся системно и последовательно в течение десятилетий, способствовала резкому усилению позиций католической церкви в регионе и распространению хорватской идентичности среди местного славянского населения.

Одним из последствий русско-турецкой войны 1877–1878 гг. было принятое на Берлинском конгрессе в 1878 г. решение о передаче Боснии и Герцеговины во «временное управление» Австро-Венгрии. Данное решение было критически воспринято русским и славянским общественным мнением. По словам известного русского учёного-слависта П. А. Лаврова, в 1878 г. совершена была «вопиющая несправедливость: Босния и Герцеговина, поднявшие в 1875 г. восстание против турок, не получили автономии, подобно Восточной Румелии; не осуществилось их желание присоединиться к Сербии и Черногории [...] После победоносной русско-турецкой войны Босния и Герцеговина из одного ига перешли в другое [...]» (Лавров, 1909, с. 3).

Аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией в 1908 г. вызвала новый взрыв негодования не только в Сербии, но и в широких кругах российского общества, одновременно породив попытки проанализировать первопричины происшедшего. «Аннексия Боснии и Герцеговины живо свидетельствует, что беда славян заключается не в одном только натиске германства, а, что особенно печально, в славянской розни, – писал видный учёный-славист П. А. Лавров. – Если в такой роковой момент, который пережили сербы после аннексии, они не встретили со стороны австрийских славян никакого сочувствия [...], если славяне помогли Австрии своей поддержкой закрепить свою власть в чисто сербских краях, отданных Австрии во временное управление, то тем самым они добровольно помогают осуществлению задач немецкой политики» (Лавров, 1909, с. III).

События на Балканах вызвали всплеск интереса к положению в Боснии со стороны российской общественности. В своём кратком, но весьма информативном очерке «Аннексия Боснии и Герцеговины и отношение к ней славянства» русский учёный-славист, специалист по Балканам, профессор Петербургского университета П. А. Лавров проанализировал и дал оценку внутренней политике австрийских властей в Боснии, начиная с оккупации данной провинции в 1878 г.

Получив Боснию и Герцеговину формально «во временное управление», австрийское правительство с самого начала стало проводить в данной

славянской области системную и последовательную этноконфессиональную политику, направленную на подавление сербов и православия. «Главным орудием в борьбе с сербами стали их ближайшие соплеменники – хорваты; в меньшей степени, – отмечал П. А. Лавров, – правительство пользовалось поляками и чехами» (Лавров, 1909, с. 58). Так, уже в первые десятилетия после оккупации в Боснии появилось несколько тысяч чехов, которые являлись в основном чиновниками, жандармами, железнодорожными служащими, строителями, архитекторами и предпринимателями (Ježek, Trojan, 2014, с. 22). По данным переписи 1910 г. в Боснии насчитывалось 7.095 чехов, из них 1.702 проживало в Сараево (Ježek, Trojan, 2014, с. 112). В подавляющем большинстве это были лояльные и политически благонадёжные подданные Австро-Венгрии, которые выступали здесь в роли важного элемента австрийской колониальной администрации и, вполне разделяя культуртрегерские амбиции Дунайской монархии, эффективно выполняли на Балканах ту миссию, которую отвела им Вена. Показательно при этом, что прибывшие в Боснию чехи в целом с симпатией относились к традиционному укладу жизни и нравам местного населения. По воспоминаниям жандармского офицера Ф. Валоушка, уроженца Моравии, служившего в Боснии с 1902 по 1918 гг., «население Боснии, турки, православные и католики, не стремились к какой-либо наживе; жили скромно и умеренно, не обогащались и при этом были счастливы и довольны [...]» (Ježek, Trojan, 2014, с. 23). Впрочем, австрийская внутренняя политика быстро нарушила этот привычный уклад жизни.

Исключительно важную роль во внутренней политике Австрии в Боснии с самого начала играл конфессиональный фактор. Подавляющее большинство христианского населения Боснии – православные сербы – являлись, по словам П. А. Лаврова, «пасынками правительства; меньшинство – католическое население, пользовалось, наоборот, покровительством властей. Это привело к тому, что мирные до оккупации отношения между католиками и православными стали обостряться при явном поощрении лиц, стоявших во главе управления» (Лавров, 1909, с. 59).

Поскольку сербская православная церковь в Боснии находилась в зависимости от константинопольского патриарха, Австро-Венгрия заключила соглашение с Константинополем, которое, признав автономию сербской церкви в Боснии и Герцеговине под канонической властью константинопольского патриарха, предусматривало решающую роль Вены в кадровой политике. По свидетельству П. А. Лаврова, константинопольский патриарх получал «от австрийского правительства 58.000 грошей (3.480 рублей) в год. В случае освобождения какой-либо митрополичьей кафедры австрийский император имеет право назначить на свободное место своего кандидата и сообщает патриарху его имя для благословения и рукоположения. Такое назначение несогласно с канонами православной

церкви, по которым епископа выбирает архиерейский собор [...], а митрополита из числа епископов – смешанный собор духовенства и мирян. Этой мерой нанесён был удар церковной независимости и высшие представители церкви сделались орудиями австрийского правительства [...]. До заключения договора с патриархом митрополит получал содержание от народа [...] Австрийское правительство отменило этот сбор и заменило его особым налогом, за счет которого уплачивается митрополиту жалованье [...] Обязанный правительству епископ становится верным исполнителем его предначертаний. Выбор священников был отнят правительством у общин; их назначение на приходы было предоставлено митрополиту» (Лавров, 1909, с. 61).

Под полный контроль австрийской администрации был поставлен и процесс подготовки православного духовенства в местных духовных учебных заведениях. Так, православная семинария, находившаяся до оккупации в г. Баня Лука, была закрыта; вместо неё австрийские власти открыли новую семинарию в отдалённом местечке Релево. Цель данного шага австрийских чиновников заключалась в том, чтобы «воспитанники семинарии, удалённые от центрального пункта Боснии, могли оставаться в стороне от всякого народного влияния. Преподаватели в ней должны непременно иметь аттестат зрелости из австрийской гимназии и окончить какую-нибудь австрийскую семинарию. Кроме того, от учителей требовались политические рекомендации и австрофильские наклонности» (Лавров, 1909, с. 62).

Хорошо информированный и много раз бывавший на Балканах П. А. Лавров отмечал, что в данных условиях «независимые люди» приходили в столкновение с властями и были вынуждены «оставлять своё служение церкви, как это случилось с первым сараевским митрополитом Саввою Косановичем. Ещё менее церемонились власти с низшим духовенством, лишая места неудобных им священников или перемещая их с одного места на другое. В управление делами церковных общин вмешивались чиновники [...] Затрудняема и стесняема была сама самая постройка церквей. Вместо видных мест в городе для них отводились более отдалённые места, иногда даже за городом. Сборы на постройку церквей за границей – в Сербии или в России – запрещались [...]» (Лавров, 1909, с. 63).

Политика огосударствления церковной жизни, проводимая австрийской администрацией, была направлена на подрыв позиций православной церкви при одновременной всемерной поддержке католической церкви. Католическое духовенство в Боснии состояло исключительно из иезуитов и францисканцев, которые пользовались особым доверием Вены. Оккупационное австрийское правительство в Боснии ежегодно предоставляло местным католикам субсидию в размере 275.400 крон; при этом

Церковная и культурная политика Австро-Венгрии в Боснии и Герцеговине во второй половине XIX века в оценках русского учёного-слависта П. А. Лаврова

католическая церковь в Боснии получала и дополнительную финансовую поддержку непосредственно из Рима и Вены (Лавров, 1909, с. 63).

По свидетельству хорошо информированных современников, «поддерживаемые правительством иезуиты ходят свободно из села в село, останавливаются на рынках, собирают присутствующих и начинают проповедь, предают православие, мусульманство и еврейство самым гнусным оскорблениям; за переход к католицизму они на глазах властей обещают не только денежные награды, но и благосклонность правительства [...]» (Лавров, 1909, с. 63). Если до оккупации число католических церквей в Боснии было «очень невелико», то к началу XX века их было уже более двухсот. Кроме того, в Боснии появилось 12 мужских и 11 женских католических монастырей, а также 11 католических гимназий (Лавров, 1909, с. 64). В результате системного покровительства католической церкви в Боснии и Герцеговине со стороны австрийских властей католики, которые до оккупации «стояли и в имущественном, и в образовательном отношении на низшей ступени, при поддержке правительства поднимаются выше. Мусульмане и особенно православные третируются боснийским управлением как граждане второго и третьего разряда» (Лавров, 1909, с. 65). По данным официальной статистики с 1879 г. процент православно-го и мусульманского населения в городах Боснии неуклонно снижался при одновременном росте численности католического населения. Таким образом, как подчёркивал П. А. Лавров, имел место процесс окатоличивания Боснии и Герцеговины, подобно тому, как это происходило в Банате, Бачке, Бараньи и других сербских областях Австро-Венгрии. «Но нигде этот процесс не протекал так быстро, – подчёркивал русский учёный-славист, – как в Боснии и Герцеговине» (Лавров, 1909, с. 66).

Приток католического населения в города Боснии всячески стимулировался австрийской администрацией; именно католики, имевшие различные преференции, доминировали среди чиновников, предпринимателей и торговцев. Данная политика Вены была в значительной степени опробована ранее в других югославянских областях Дунайской монархии. Так, русский учёный-славист И. И. Срезневский, посетивший в 1841 г. Далмацию, упоминал в своих письмах о насаждении унии и окатоличивании местного православного населения австрийскими властями с использованием различных методов экономического и административного воздействия.² Примечательно, что впоследствии далматинские католики и окатоличенное население усвоили хорватскую идентичность, которая первоначально в Далмации отсутствовала.

Особую поддержку Вена оказывала тем католикам в Боснии, которые декларировали хорватскую национальную идентичность. По мнению П. А.

² См. Срезневский, 1895.

Лаврова, данной мерой достигалось «раздвоение двух частей одного народа, что и составляет главную цель правительства [...] Вызывается антагонизм в населении; выставляется хорватство как противовес сербству и как опора католическо-клерикального духа Австро-Венгрии» (Лавров, 1909, с. 67).

Под полный контроль австрийских властей с самого начала была поставлена сфера образования в Боснии и Герцеговине. Показательно, что заведующим школами был поставлен католик. Отличительной чертой школьной политики австрийской администрации в Боснии стала дискриминация и ограничения сербских православных школ, которые пользовались широкой популярностью среди сербского населения. Открытию новых школ власти препятствовали всеми возможными мерами; не разрешались покупки земли для этой цели; не выдавались разрешения на строительство школьных зданий. Более того, оккупационное правительство Боснии издало закон, который предусматривал, что пожертвования или завещания частных лиц в пользу сербских православных обществ или православных школ не могут быть приняты без предварительного разрешения властей. Правительственное распоряжение, изданное в 1892 г., предусматривало, что учитель сербской православной школы мог приступить к преподаванию только после получения особого свидетельства о своём поведении и политической благонадёжности (Лавров, 1909, с. 71).

На фоне системной дискриминации сербских православных учебных заведений католическая система образования пользовалась покровительством и щедрой поддержкой властей. Показательно, что к концу XIX в. в Сараево, где православное население преобладало над прочими христианскими конфессиями, число католических учебных заведений превысило число православных. Что касается австрийских казённых школ, то их отличительной чертой было воспитание учащихся «в отчуждении от народных стремлений, чтобы ослабить в сербах национальное сознание. Боясь самого имени серб и сербский, оккупационное правительство ввело как официальное название термин *босански* [...]» (Лавров, 1909, с. 74). Более того, австрийское правительство озаботилось составлением грамматики особого «босанского языка», что было ярким проявлением этнокультурной инженерии, направленной на отчуждение сербского населения Боснии от Сербии. Подобным образом австрийская администрация длительное время действовала и в Восточной Галиции, где во второй половине XIX в. на фоне систематической дискриминации русского литературного языка ускоренно создавался максимально удалённый от русского украинский литературный язык (Шевченко, 2020, сс. 130–157). Примечательно, что в боснийских школах история Боснии изучалась максимально изолированно от истории Сербии, которая практически не упоминалась, что преследовало цель исторически обосновать чуждость населения Боснии и Сербии.

Церковная и культурная политика Австро-Венгрии в Боснии и Герцеговине во второй половине XIX века в оценках русского учёного-слависта П. А. Лаврова

Наряду с этим проявилась и явная тенденция к хорватизации славянского населения Боснии. Так, все учебники и пособия, используемые в учебных заведениях Боснии, были изданы в Загребе хорватскими профессорами местного университета. Профессор Загребского университета Клаич, автор учебников по географии и истории Боснии, постоянно использовал этноним «хорваты» по отношению к боснякам и герцеговинцам, хотя даже босняки католического вероисповедания хорватами себя в то время не считали.

Подобная политика системной и последовательной этноконфессиональной инженерии, проводимая австрийскими властями в Боснии с 1879 г., в значительной степени способствовала насаждению католичества и хорватской идентичности среди местного славянского населения. В ещё большей степени подобная политика затронула православное сербское население Славонии и Далмации, став одной из важных причин последующих этноконфессиональных конфликтов на Балканах.

Литература

- Лавров, П. А. (1909). *Аннексия Боснии и Герцеговины и отношение к ней славянства*. Санкт-Петербург: Тип. М. Стасюлевича.
- Срезневский, И. И. (1895). *Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель. 1839–1842*. Санкт-Петербург: Тип. С. Н. Худекова.
- Шевченко, К. (2020). Языковая борьба в Восточной Галиции в XIX веке в оценках галицко-русских общественных деятелей. В: К. Шевченко (ред.), *Язык и идентичность. Язык, литература и славянские идентичности в XVIII – XXI веках* (130–157). Белград: Институт политических исследований.
- Ježek, M., Trojan, P. (2014). *Tak nám zabili Ferdinanda. Současné české stopy sarajevského atentátu*. Praha: Radiožurnál.

Kirill VLADIMIROVICH SHEVCHENKO

Synodal Commission for History
Belarusian Orthodox Church

Austro-Hungarian Cultural and Ecclesiastical Policy in Bosnia
and Herzegovina in the Late 19th Century as Evaluated
by the Russian Academic and Slavist P. A. Lavrov

Summary

The article analyses the views of the famous Russian academic, expert in the Balkan Studies, P.A. Lavrov on the situation in Bosnia and Herzegovina in the second half of the 19th century after the occupation of this territory by Austria-Hungary. Particular attention is paid to the influence of the ecclesiastical and cultural policy of the Austrian authorities on the situation in that region as well as to the consequences of this policy. P.A. Lavrov stressed the injustice of the occupation of Bosnia by Austria-Hungary and noted that from the very beginning of Austrian domination in this region of the Balkans, the Austrian administration pursued a policy aimed at systematic suppressing of the Orthodox Church, wide-scale support for the Catholic Church and the spreading of the Croatian national identity among the local Slavic population. For example, school textbooks in Bosnia were written by Croatian scholars who interpreted the local Slavic population of the Catholic faith as Croats. To more effectively implement this policy, the Austrian authorities have established effective control over the Orthodox Church and over the school system in Bosnia. In addition, the Austrian authorities facilitated the resettlement of Czechs and Poles loyal to Austria to the region, providing them with jobs as officials, police and gendarmerie employees, and entrepreneurs. This policy, carried out systematically and consistently for decades, contributed to a sharp strengthening of the position of the Catholic Church in the region and the spread of Croatian identity among the local Slavic population.

Keywords: Bosnia and Herzegovina; Austro-Hungary; ethnic and cultural policy; ecclesiastical policy; P. A. Lavrov.

Овај чланак је објављен и дистрибуира се под лиценцом *Creative Commons ауторство-некомерцијално 4.0 међународна* (CC BY-NC 4.0 | <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

This paper is published and distributed under the terms and conditions of the *Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International* license (CC BY-NC 4.0 | <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).